

Ладога и Глеб Лебедев

Восьмые чтения памяти Анны Мачинской.

Старая Ладога 21-23 декабря 2003г.

СПб.2004

Ф.А. Андрощук

ОТ РАГНАРА ЛОДБРОКА ДО ВИДГАУТРА
(о датских и шведских контактах сембов и куршей
в эпоху викингов и в раннем средневековье)

Письменные и археологические источники по изучению контактов между населением Восточной Балтики и Скандинавией представляют собой две различные по своему характеру группы. Первые в большинстве своём были записаны в более позднее время по отношению к описываемым событиям и зачастую достаточно тенденциозны. Вторые требуют детального контекстного анализа и могут помочь в проверке объективности информации, содержащейся в письменных источниках. Недавно Артурас Мицкявичюс осуществил анализ этих письменных источников и пришёл к выводу о существовании определённых «сфер влияния» скандинавов в этом районе (рис. 1). К датской сфере влияния исследователь отнёс Самбию, земли западных славян. К шведской зоне отнесены Ливония, Земгалия и Курония (Mickevičius 1997: 191–199). В предлагаемой работе я хотел бы остановиться на том, в какой мере письменные данные коррелируются с археологическими и как межэтнические контакты в этом регионе в эпоху викингов интерпретировались ранее и сейчас скандинавскими исследователями.

Согласно письменным источникам, первые контакты датчан с восточным побережьем Балтики связаны с их легендарными королями Фроде и Рёриком, воевавшими с куршами. Ко времени около 800 г. относится поход легендарного датского викинга Рагнара Лодброка в землю куршей и земгалов (Saxo IX, 308). Временем около 850 г. датируется сообщение Римберта о походе датчан на племена куршей «ранее подвластных шведам». Как свидетельствует «Житие Св. Ансгария», вскоре куршам удалось одержать победу над датчанами и более того — захватить часть их кораблей, из которых они изъяли много золота и серебра (VA XXX, 405). Несколько позже шведы под предводительством конунга Олава попытались вернуть подвластные им ранее куршские территории. Во время осады Апулии курши предложили выкуп — «всё золото и всё оружие» изъятые ими у датчан (VA XXX, 414).

Таким образом, из приведенных выше источников проистекает, что по крайней мере в первой половине IX в. были установлены достаточно тесные контакты населения Дании и Швеции с отдельными участками восточного побережья Балтики. Можно ли видеть отражение этих контактов в археологическом материале?

На территории юго-восточной Прибалтики (в особенности Латвии) найдено большое количество древностей скандинавского происхождения (Мугуревич 1965; *Mugurēvičs* 1992; *Apala, Apals* 1992; *Atgāzis* 1992; *Jansson* 1992; *Thunmark-Nylén* 1992; *Zariņa* 1992). Однако, как показал критический анализ, большая часть из них бытowała в среде местного населения в то время, когда в Скандинавии они уже вышли из употребления (*Jansson* 1992; *Atgāzis* 1992; *Zariņa* 1992). Строго говоря, надёжно датированные комплексы эпохи викингов концентрируются только на территориях древних куршев и пруссов, поэтому анализ их контекста заслуживает особого внимания.

Скандинавские древности найденные на территории куршев, как известно, концентрируются в Гробиня и были предметом специальных исследований (*Nerman* 1958; *Petrenko* 1991; *Jansson* 1994). Биргер Нерман осуществил археологические раскопки трёх могильников Гробиня — двух курганных (*Priediens II, Porāni*) и грунтового могильника (*Rudzukalns I*), возникших в VII в. и функционировавших вплоть до начала эпохи викингов (*Nerman* 1958: 168; см. *Jansson* 1994: 9–16 с детальным разбором и критикой аргументов Нермана). В курганных могильниках он выявил, в основном, мужские погребения, содержащие большое количество скандинавских находок. Некоторые из таких вещей, по его мнению, происходили из Средней Швеции. Погребения из грунтового могильника также содержали скандинавские древности и были интерпретированы им как готландские. Таким образом, погребённых в курганных могильниках он считал представителями военного гарнизона из Средней Швеции, который осуществлял политическую и военную власть над данной территорией. Находки же немногочисленных женских захоронений в этих курганных могильниках, с предметами готландского типа, он объяснял совместными браками шведов с готландскими женщинами.

Раскопки Гробиня 1984–1989 гг. внесли существенные корректировки в такую интерпретацию. В результате этих исследований не подтвердился факт доминирования мужских погребений в курганном могильнике Приедиенс II. Здесь некоторые раскопанные Нерманом курганы с мужскими захоронениями были подвергнуты доисследованию, в результате которого были выявлены более поздние женские грунто-

вые погребения по обряду трупосожжения. Эти погребения принадлежали куршскому грунтовому могильнику, древнейшая часть которого располагалась севернее от исследованных курганов (Петренко 1986). В результате раскопок этого же могильника были выявлены также остатки поселения среднего-позднего железного века, расположенного у юго-западной оконечности могильника (Петренко 1987; 1989). В одном из курганов, содержавшем остатки кремации с мужским и женским инвентарём, встречены обломки щита Вендельского времени Скандинавии. В вершине насыпи была найдена стелла типичная для меморативных памятников Готланда. Весь погребальный комплекс датирован концом VII в. (Петренко 1987; Petrenko 1991; Pertenko, Urtāns 1995: 11–12, fig. 18). В.П.Петренко пришёл к выводу о «полифункциональном характере культурного освоения в течении многих столетий данной территории» (Петренко 1989). Полиэтнический характер населения Гробиня, по мнению исследователей, позволяет интерпретировать его как торговый центр (Петренко, Вирсе 1993: 102).

Рассматривая происхождение некоторых древностей из Гробиня, Нерман указал только на готландские и среднешведские их параллели. В последнее время, на примере находок так называемых клювообразных фибул (швед. «näbbförmiga spännerna» / нем. «tierkopfförmigen Fibeln») из окрестностей Эльблонга (Новинка) и Гробиня (Nerman 1958: 94, Taf. 1: 23; 5: 35–36; 25: 139; 28: 157), были отмечены также южноскандинавские контакты (Jansson 1994: 14–15). Фибулы такого типа найдены в четырёх погребениях Гробиня (рис. 2–3). Биргер Нерман полагал, что самая ранняя пара таких фибул происходит из погребения I, которое он на основании готландских аналогий датировал серединой VII в. Фибулы из других трёх погребений (III, 35, 45) были отнесены им ко второй половине VIII в. (Nerman 1958: 94) (рис.). Как показали исследования, подавляющее большинство таких украшений происходит из Южной Скандинавии и датируется VI–VII вв. (Ørsnes-Christensen 1955: 154; Strömberg 1973: 233–234; Höilund Nielsen 1987, fig. 10). Из Готланда происходит относительно небольшое количество этих фибул. Нерман датирует их VII в. (Nerman 1969, Taf. 96). Особенности орнаментации, а также технологические детали фибул из Гробиня не находят соответствия в скандинавском материале, что указывает на их местное изготовленное под влиянием готландских фибул ранней эпохи викингов (Thunmark-Nylén 1983: 309, fig. 3). Таким образом, эти украшения носились в Гробиня тогда, когда в Скандинавии они вышли из употребления.

В сравнении с другими территориями Балтии, скандинавские древности, найденные на бывшей территории древней Пруссии, составляют довольно многочисленную группу, состоящую из вещей принадлежащих как женщинам, так и мужчинам. Внимание к ним было привлечено уже в 1920–30-х гг. (La Baume 1926: 15–20; Engel 1932: 168–177; Engel, La Baume 1937: 202–208). Уже в то время было обращено внимание на концентрацию этих находок в Вискаутене (Кауп) и Эльблонге и высказано мнение о существовании там скандинавских колоний выходцев из Дании, средней Швеции и Готланда. Однако исследования последних лет внесли существенные корректировки. В частности раскопки в Янове Поморском (Трусо) засвидетельствовали следы существования там торгово-ремесленного центра (Jagodziński M. 1988; 1991; 2000; 2001). Среди многочисленных импортов выявлены также и скандинавские украшения в виде равноплечевых (типы 58; 80; 69/70), а также скорлупообразных фибул типа Бердаль, распространённых в основном в Южной Скандинавии и Средней Швеции (Petersen 1928: 19; Callmer 1999: 203, 206, 208, 215). Эти украшения совершенно не характерны для Готланда, что позволяет сделать заключение о том, что проживание здесь готландских колонистов — историографический миф, имеющий мало общего с действительным положением вещей.

По мнению Биргера Нермана, свеи в начале IX в. покинули землю куршей и основали на Самбийском полуострове, около Вискаутена (современное название Моховое) новую колонию. Согласно его данным, здесь существовал большой могильник состоявший как минимум из 500 курганных и грунтовых погребений. Ко времени раскопок исследователя в 1932 г. здесь насчитывалось 215 курганов (Nerman 1942: 92–94). Некоторые из погребений совершенно не имели насыпей, отдельные достигали высоты до 1,5 м при диаметре 12 м. Большинство исследованных погребений содержали трупосожжения овальной или окружной формы. Умерших сжигали на месте, после чего остатки костища сгребали от краёв к центру. Иногда сверху на костище ставили большой камень. Зафиксирован обычай умышленной порчи оружия, как например, в кургане № 43, где был найден согнутый меч (рис. 4). Под насыпями отдельных курганов (курган № 44) известны концентрические каменные выкладки (рис. 5–6) характерные для могильников Средней Швеции эпохи викингов (Gräslund 1980: 67). В могильнике исследованы также погребения по обряду трупоположения. Одно из них (курган № 143) содержало погребение в деревянной камере с мечом, пряжкой и ведром. У головы выявлены остат-

ки серебрянного шитья от головного убора. С правой стороны от погребённого, на небольшом вырезанном в земле уступе был найден костяк коня с упряжью (рис. 7) Такое положение коня по отношению к умершему и самой камере совершенно не типично для Бирки. В Бирке известен ряд камер с погребениями коней на земляных уступах, однако они всегда расположены у ног погребённых (Gräslund 1980: 67). Биргер Нерман, полагал, что в Вискаутене в IX–X вв. существовала колония шведов, происходивших из Средней Швеции. По его мнению, по характеру поселение было гарнизоном, осуществлявшим также и торговлю. Исследователь также высказывал предположение о существовании здесь же колонии готландских купцов, могильник которой, возможно, ещё не найден. В течении последующих веков, шведские колонисты были ассимилированы местным населением, на что указывают соседство скандинавских погребений с прусскими раннесредневековыми захоронениями. Причиной основания колонии исследователь называет выгодное местоположение для ведения торговли и контроль над выходом к устью реки Мемель по которой скандинавы проникали на территорию Руси (Nerman 1936: 79; 1942: 109–110).

Необходимо отметить, что для большинства работ этого исследователя характерно рассмотрение деятельности шведов на берегах Балтики как крупномасштабных политических акций шведских королей и шведского государства (Nerman 1936: 81; 1942; 1958: 195). Такой подход был в целом характерен для скандинавской историографии того времени, наивно полагавшей, что археологические источники в силах продемонстрировать историю образования государств. Как показали современные историки, ранее второй половины XII — первой половины XIII в. о существовании государства в Швеции вообще говорить не приходится (Sawyer 1991:62; Lindkvist 1988:8, 59).

Проживание готландских женщин в среде местного населения древней Пруссии, также можно считать сомнительным. К примеру, из Вискаутена происходят две коробчатые фибулы типичные для женского костюма Готланда (Mühlen 1975: Taf. 3, 1–2). Одна из фибул (Thunmark-Nylén 1983: 47, fig. 36) входила в состав погребения, которое содержало пару скорлупообразных фибул типа 37 по Яну Петерсену (рис. 8), характерных для материковой Скандинавии (Petersen 1928; Jansson 1985). Готланд являлся единственным исключением — там эти броши не носились. Здесь, в отличии от скорлупообразных, использовали парные бронзовые фибулы в виде звериных морд (Carlsson 1983.). Коробчатые фибулы иногда входили в состав украшений, однако, их использование не было связано с традиционным

дизайном одежды. Орнаментация коробчатой фибулы из этого погребения выполнена в поздневендельском стиле, датируемом второй половиной VIII в. Однако, данный экземпляр, насколько можно судить по фотографии, явно несёт следы потёртости и характеризуется низким качеством рельефа изображения, что свидетельствует о достаточной изношенности образца из которого изготавливалась глиняная форма (Thunmark-Nylén 1993: 223–234). Таким образом, данная фибула относится ко времени, когда массовое производство такого типа застёжек на Готланде уже закончилось.

Это же вывод справедлив по отношению к другому погребению из Вискяутена (Mühlen 1975, Taf. 23), содержащего также ранний тип коробчатой фибулы (Thunmark-Nylén 1983: 34) и пару скорлупообразных фибул 42 типа (Jansson 1985: 61ff; рис. 9). Орнамент коробчатой фибулы, также со следами потёртости, является комбинацией поздневендельского стиля и стиля «хватающего зверя» сочетание которых характерно в основном для первой половины 9 века (Thunmark-Nylén 1995: 559). Датировки скорлупообразных фибул 42 типа в Норвегии весьма не надёжны. Материалы Швеции свидетельствуют о том, что они появляются в IX веке, однако основная их масса относится к так называемому «младшему периоду Бирки», отдельные экземпляры найдены с монетами второй четверти X в. (Arbman 1943: 304ff; Jansson 1985: 61ff). Присутствие в обоих погребениях скорлупообразных фибул вместо характерных для Готланда фибул в форме звериных голов не позволяет связать эти погребения с женщинами прибывшими из Готланда. Отдельные находки готландских вещей известны на территории Пруссии (Neugebauer 1938: 2–6, Abb. 7; Mühlen 1975, Taf. 3: 8–9; 38: 1) однако они не обязательно свидетельствуют об их принадлежности выходцам из Готланда.

Как уже отмечалось в литературе, большая часть типов скорлупообразных фибул происходящих из Пруссии характерна для материковой Скандинавии. Например, в одном из погребений Вискяутена найдена пара фибул типа 51B1 датированных концом IX — началом X вв (Jansson 1985: 133). Вероятно, к середине-второй половине X вв. следует отнести фибулы типов 51C, 52 и 55 происходящих из ряда погребений этого же памятника (Mühlen 1975, Taf. 24; 30; 33; 35; 39: 9; 42: 1–2; Кулаков, Валуев 1992: 98–105). К этому времени относятся погребение с овальными фибулами «варианта Мальберг» (Jansson 1985: 79) найденных вместе с обломком браслета готландского происхождения (Mühlen 1975, Taf. 35).

Таким образом, находки скорлупообразных фибул (Mühlen 1975: 20 ff.; Jansson 1985; 1992: 61–78) являются важным свидетельством о проживании в IX–X вв. в Вискяутене женщин, происходящих из материковой Скандинавии. На протяжении всего этого времени осуществлялись также оживлённые контакты с островом Готланд, однако они не были основополагающими. Как и в случае с Гробиня, здесь налицо факт использования скандинавскими женщинами Вискяутена готландских украшений более раннего времени. Такие случаи, вероятно, свидетельствуют о том, что такие украшения могли передаваться по наследству (Thunmark-Nylén 1993; 1995: 568). Возможно, проживая вне Готланда, женщины быстро теряли свою традиционную одежду и начинали использовать те украшения, которые были обычны в окружающей их в первой половине X в. «среднешведской среде».

Следует также отметить ряд женских украшений из этого же могильника, характерных для территории Дании и в большинстве своём датирующихся серединой — второй половиной X в. Это характерные подвески и застёжки, украшенные зернью (Mühlen 1975: 130, Taf. 25; 33; 42: 5, 6; рис. 10), типичные для вещей выполненных в стиле Хиденсее (Duczko 1995). Пожалуй, наиболее ярким примером датской работы, на который исследователи указывали и ранее, является язычковидная застёжка из кургана в Вискяутене, найденная вместе с овальными фибулами (Рис.11). Такая же застёжка была найдена в Salby в Дании в погребении второй половины X в. (Mühlen 1975: 130, Taf. 4: 13–14; Brøndsted 1936: 139–140, fig.49). Датировка этой вещи 1000–1050 гг., равно как и вывод о малочисленности в Вискяутене находок датского происхождения (Martens 1996: 55), являются ошибочными.

Интерпретация характера поселения в Вискяутене как торговой колонии сначала готландцев, а потом датчан (Mühlen 1975; Гуревич 1978: 170–171), была пересмотрена в последнее время в ряде работ В.И. Кулакова (1980; 1989; 2003), интерпретирующего его как полизтичный торгово-ремесленный центр, подобный Трусо. Место расположения поселения представляется достаточно спорным. Раскопки на территории могильника выявили остатки поселения, которое, по мнению исследователя, является одновременным курганному могильнику (Кулаков 1980: 15). Локализацию поселения Юргеном Мартенсом в месте называемом «Schwendlund» вряд ли можно считать удачной (Martens 1996: 57, Abb. 1). Древнее скандинавское происхождение этого топонима сомнительно; кроме этого, само место расположено слишком далеко от могильника. Более удобной для поселения такого характера является низменный луг «Schwentmedfeld», расположенный к

востоку от могильника и обозначеный на плане Отто Клеманна (1939 Abb.1). Можно думать, что топография поселения идентична Янову Поморскому — низкому, периодически затапливаемому водой месту (Jagodziński, Kasprzycka 1991: 706). Здесь, возможно, будущими раскопками будут найдены остатки поселенческой застройки.

Отдельные вещи, найденные на территории древней Пруссии, датируются ранней эпохой викингов. Они происходят как из погребений, так и из случайных находок. К этой группе принадлежат оружие и украшения.

Особый интерес представляет клад серебряных браслетов, украшенных вертикально высеченными линиями, окружностями, штампованными треугольниками с окружностями и X-образными насечками, происходящий из Kivitten и ошибочно отнесённый исследователями к XII в. (Engel, La Baume 1937: 209–210, 284, Abb. 49; Mühlen 1975, Taf. 50: 1–6; Bogucki 2003: 184, Tabl. IV: 2; рис. 12, 1). Эти браслеты чрезвычайно редки вне Ирландии. Одиночные экземпляры известны в кладах Дании (Skovmand 1942, fig.2), одном кладе Норвегии (Grieg 1929: 258–260, fig. 63). Признано, что такие украшения изготавливались скандинавами в Ирландии во второй половине IX — первой половине X в. (Graham-Campbell 1976: 39–74, 51ff, Pl. 4, 5; 1980: 64: 234; 1989: 102–111, fig. 1; рис. 12: 2). Представляется возможным предположить посредничество датчан в появлении рассматриваемого комплекса в среде местного населения. Известно, что в середине и особенно во второй половине X в. датчане активно действовали в военных операциях в восточной Англии и Ирландии.

К женским вещам каролингского производства относится луновидная подвеска из Rudau (Mühlen 1975, Taf. 3: 5; рис. 13: 3), украшенная зернью. Её форма, а также орнаментальный мотив отличается от классических подвесок такого типа, производимых в славянской среде в X в. Ближайшей аналогией этой находке является лунница из Плакунского могильника у Старой Ладоги (Михайлов 2002: 63–68, рис. 1; рис. 13: 4). Изобразительные мотивы обеих лунниц, а также украшенные зернёными вертикальными рядами петли, типичны для каролингских вещей, найденных в кладе середины — второй половины IX в в Hon (Grieg 1929: 178–311, fig. 22–26, 28, 29; рис. 13: 5), а также в камерно-ладейном погребении в Хедебю (Wamers 1994: 14ff, Abb. 13; рис. 13: 5–6).

Появление этих украшений на восточном побережье Балтики вряд ли можно объяснить непосредственными контактами местного населения с франками или Ирландией. Скорее всего, они попали сюда

через посредство датчан, в среде которых на протяжении ранней эпохи викингов каролингское влияние было достаточно сильным и отразилось в появлении отдельных типов вооружения и украшений. Случайный характер этих находок не позволяет сделать вывод о существовании каких-либо датских колоний на территории балтов в это время. Вместе с тем, упоминание в «Житии Св. Ансгария» трофейных украшений и оружия, изъятого куршами у датчан, представляется весьма правдоподобным в связи с упомянутыми вещами и одиночными находками мечей каролингского производства в Кёнигсберге и в районе Гробиня (Neffman 1958: 184, Textfig. 266; Mühlen 1975: 30, Taf. 7: 1; 50: 8; Menghin 1980: 227–271, Liste 1 nr 12; Müller-Wille 1982: 101–167, Liste 2, nr 13; Рис. 13: 1–2). В упомянутом ниже погребении из Вискяутена, в котором был найден каролингский меч типа К, найдена также арбалетная фибула, аналогичная латгальским древностям (Latvijas PSR archeoloģija 1974, tab. 63: 21). Это указывает на то, что вещи каролингского происхождения могли попасть на территории Пруссии через посредничество куршей. На находки куршского и ламатского происхождения в прусских могильниках указывал ранее В.И. Кулаков (2003: 44). Вместе с тем, нет никаких оснований утверждать, что поселение в Вискяутене было основано «курскими викингами» (Martens 1996:54). Это мнение основано на ошибочном представлении о датировке памятников Гробиня преимущественно вендельским временем. Найдки скорлупообразных фибул в окрестностях Гробиня (типы 37 i 51 по Яну Петерсену) (Šturm 1949: 207, fig. 2, 213, fig. 4) со всей очевидностью свидетельствуют о проживании там выходцев из Скандинавии в IX–X вв.

Отдельно следует остановиться на мечах эпохи викингов найденных на территории древней Пруссии. В настоящее время существует путаница в определении типов мечей и их количества. Отчасти это вызвано отсутствием до сих пор качественных публикаций материала из Пруссии и, кроме того, употреблением советских названий памятников вместо старых, что существенно затрудняет пользование послевоенными публикациями исследований этого региона. Приведу характерный пример. В одной из книг В.И. Кулакова упоминаются два меча типа «К» происходящие из могильника Тюленино (1990: 29). Однако в таблице хронологии изданной в той же книге изображены два меча того же типа как происходящие из Коврово (Кулаков 1990: 28, рис. 15: 2, 3). Эти же мечи значатся в каталоге изданном Витаутасом Казакевичюсом одновременно как типы К и «Т-куршский». В первом случае автор ссылается на упоминание в книге Кулакова, во втором — на книгу фон цур Мюлена, где они ранее изданы (Kazakevičius

1996: 106, nr 2–3; 112–113, nr 12–13). В уже упомянутой таблице Кулакова меч из погребения 5 в Ветрово определён как тип Е (Кулаков 1990: 29, рис. 15: 4). В другом издании того же исследователя тот же меч значится как «Mannheim поздний» без каких либо комментариев (Кулаков 1994: 41, рис. 22). Учитывая сложность работы с данными публикациями, в предлагаемой работе, я предпочитаю опираться на материал, изданный в публикации фон цур Мюллена.

По количеству находок мечей эпохи викингов территории древней Пруссии занимает одно из лидирующих мест. Здесь найдено 42 меча одинадцати основных типов известных в Скандинавии (Mühlen 1975).

Некоторые типы прусских мечей представляют исключительный интерес по своей редкости. Таким является, например меч найденный в одном из погребений Виссляутена (Mühlen 1975, Taf. 9: 1; 36; Kulakow 1992, Abb. 1: 3; рис. 14: 1). Перекрестье и основание меча были украшены вертикальными насечками и изображениями мотивов узлов и плетёного характерных для раннекаролингского искусства (Wamers 1994: 9ff, Abb. 8–9). Наиболее тесной аналогией, как по орнаментации, так и типу, является парадный меч найденный в камерно-ладейном погребении в Хедебю датированном первой третью — серединой IX века (Mühlen 1975: 29; Müller-Wille 1976; Wamers 1994: 1–56, Abb. 6; рис. 14: 2). Экземпляр их Виссляутена, несомненно являлся престижной и дорогой вещью и скорее всего принадлежал знатному человеку.

Из другого погребения того же могильника происходит навершие меча типа D (Mühlen 1975, Taf. 37: 1). По способу орнаментации рукояти, эти мечи образуют несколько вариантов. Один из них характеризуется использованием циркульных окружностей. Мечи с таким типом орнаментации известны в Ирландии в погребениях Kilmainham, Island-Bridge, Donnybrook (Bøe J. 1940, fig. 5, 6; Hall 1978: 64–83), Шотландии Eigg (Grieg 1940, fig. 37), Норвегии Швеции и Дании (Schnitger 1912: 19–35, fig. 12; Strömberg 1961: 136) и один из могильника Тимерёво в России (Кирпичников 1966: 23).

Процентное соотношение мечей ранней эпохи викингов Пруссии близко датским находкам (типы St 2-Mannheim, K). Процентное соотношение мечей поздней эпохи викингов близко находкам Швеции (типы E, H, S, W, X). Следы южноскандинавских контактов с восточным побережьем Балтики в середине — второй половине X в. можно видеть в распространении мечей типа V происходящих из погребений могильника в Виссляутене (Mühlen 1975: 36, Taf 27, 30, 31, 39). Сочетание этих типов мечей со стременами типа «Ладбю» и шпорами характерно, в

основном, для погребений Дании (Brøndsted 1936: 81–228, fig. 32, 66–67, 92, 95; Pedersen 1997: 123–135; Androshchuk 2004).

**Таблица процентного соотношения разных типов мечей
в странах Скандинавии, Пруссии и Руси**

(источники: Androshchuk 2004, Mühlen 1975, Кирпичников 1966).

Тип	Германия	Дания	Норвегия	Швеция	Пруссия	Русь
A		1%	1%	1%		
B	28%	3%	2%	7%		4%
St1	4%	3%	1%	1%		
C			11%			
D		3%	1%	1%	2%	3%
E		3%	3%	7%	7%	13%
F			2%	1%		
G			1%	1%		
St2	11%	6%	1%	2%	5%	
St3-7			1%			
H/I	14%	12%	23%	52%	31%	22%
K	8%	4%	1%	1%	2%	
St8,9,11-16			1%			
L	1%	1%	1%	2%		
M		6%	20%	2%		
N	5%		1%	1%	2%	
O	1%	3%	3%	1%		
P			1%			
R		1%	1%			
S	1%	13%	2%	2%	2%	13%
T			6%			11%
U	1%		1%			
V	4%	24%	1%	4%	9%	18%
W	1%		1%	1%	2%	1%
X	13%	10%	5%	9%	9%	6%
Y	10%	3%	2%	5%	20%	4%
St17-20			1%			
Z		1%	1%	3%	9%	4%
Æ			2%			

Находки женских украшений и мечей южно-скандинавского происхождения интересны в связи со сведениями Саксона Грамматика о походе сына датского конунга Харальда Синезубого Хакона в землю сембов. Согласно его сообщению, датчане принудили местных женщин к браку и остались жить в их стране (Saxo X, 228). Археологические источники однако, свидетельствуют, что во второй половине — конце X в. выходцами из Дании были не только мужчины, но и женщины. Следовательно, информация, содержащаяся в этом письменном источнике, не совсем соответствует действительным событиям.

Удивительным является тот факт, что, несмотря на большую концентрацию находок скандинавского происхождения на территории Самбии, она совершенно не упоминается в надписях скандинавских рунических камней. Некоторые исследователи объясняют это тем, что этот район был под влиянием датчан, в то время как деятельность шведов была направлена на земли эстов, куршей, ливов и земгалов (Mickevičius 1997: 192). Тем не менее, некоторые письменные источники всё же сообщают интересные данные. В частности, в первой книге Адама Бременского содержится описание Бирки, завершающееся следующими словами: «Так как это место стоянки кораблей наиболее безопасно на всём побережье свеев, обычно корабли, принадлежащие датчанам и норвежцам, а также славянам, семbam (в оригинале — *Semborum*) и другим племенам Балтийского побережья (в оригинале — *Scithia populi*), собираются здесь регулярно по разным необходимым делам» (Adam I, 60, 146–147). В другом месте Адам коротко упоминает провинцию Semmland уточнив при этом, что она населена «пруссами» (Adam II, 22, 192). В своей четвёртой книге он составил довольно подробное описание этой области: «Третий остров, который называется Semmland граничит с русами и поляками. Он населён сембами или пруссами — очень дружелюбным народом, который [всегда] спешит на встречу с помощью к тем кто попал в кораблекрушение или был подвергнут нападению морских разбойников. Они не ценят ни золото, ни серебро, однако имеют много чужеземных мехов, запах которых принёс в нашу часть мира высокомерия смертоносного отраву. Сами они считают эти вещи навозом, это, как я думаю, на нашу гибель, нас, которые за любую цену жаждят обрести меха как самое наивысшее блаженство. Таким образом, они предлагают нам дорогие меха куницы в обмен на одежду из шерсти, которую мы называем повседневным одеянием. О характере этих людей можно было бы сказать очень много похвального, если бы только они верили в Христа, однако того, кто проповедует его, они преследуют нечеловечес-

ким образом. Знаменитый епископ Адальберт обрёл у них венец смерти. Несмотря на то, что наши соотечественники имеют много общего с ними, запрещают они нам ещё и сегодня посещать их рощи и источники, которые, как они считают, будут осквернены благодаря контакту с христианами. Мясо своего скота едят они с рождения и его молоко и кровь пьют они в большом количестве, напиваясь ею допьяну. Люди покрыты татуировками до синевы, имеют красные лица и носят длинные волосы. Помимо того, они неприступны за своими болотами и не желают терпеть какого-либо повелителя над собой» (Adam IV, 18, 641–643). Из приведенного сообщения очевидно, что во времена Адама Бременского население Самбийского полуострова было очень хорошо известно. Род его занятий также определён достаточно ясно — посредническая торговля мехами. О довольно активной торговой деятельности племён Юго-Восточной Прибалтики свидетельствуют археологические находки. Так, например, с территории современной Латвии происходит 150 находок весов. Несколько меньшее их количество известно и п-ове Самбия (La Baume, Wilczek 1940: 39–43, Abb. 5; Mühlen 1975, Karte 5; Berga 1992: 33–40). В данной связи любопытна также находка медного футляра для весов, происходящая из королевского города Швеции — Сигтуне. На её поверхности вырезана надпись: «Дъярв получил от *simskum mani* эти весы в ...-ланде. А Вермуд сделал эти руны. Птица разорвала бледного грабителя. Я видел, как кукушка трупов поднималась» (Мельникова 2001: 330–331; рис. 15). Упомянутый здесь *simskum mani* не обязательно обозначает земгала или человека побывавшего в Земгалии (Мельникова 2001: 331). Вполне возможно, что это имя обозначало семба — жителя Самбийского полуострова, или человека побывавшего там, на что в своё время уже указывалось рядом исследователей (Friesen 1912: 10; Mugurēvičs 1992: 129; Martens 1996: 51).

Контакты между населением Юго-Восточной Прибалтики со скандинавами не были односторонними. Так, например, в XI в. в Швецию попадают отдельные экземпляры мечей, изготовленных в ареале курских племён (Šturm 1936: 106–116; Kazakevičius 1996; рис. 16: 2). Одно перекрестие от такого меча известно на острове Готланд (Thunmark-Nylén 1998, Taf. 231: 4; Рис. 16: 3), навершие от другого такого меча происходит из Эландса (Salin 1904: 104, fig. 260; Рис. 16: 1).

О контактах жителей полуострова Самбия с датчанами в XII в. свидетельствуют письменные источники. Возможно, наилучшим примером является история карьеры купца Видгаутра, происходившего из Самланда, о котором рассказывается в «Саге о Кнютлингах». Опи-

сание этого человека достойно особого внимания. Он был язычником и состоятельным купцом и регулярно отправлялся в торговые поездки по Восточному пути. Однажды, во время одной из таких поездок, на него напали курши. Спасаясь бегством, он прибыл в Данию к королю Кнуту Лаварду, где после принятия христианства и остался. Как человек опытный, бывавший на востоке, искусный в речах и знающий языки, Видгаутр был удостоен чести возглавить посольство Кнута к русскому князю в Хольмгарде Харальду (Мстиславу Владимировичу) с просьбой руки его дочери Ингебьорг (*Knýtlinga saga* 87, 88). В благодарность за хороший приём и содержание, Видгаутр принёс в подарок Кнуту «сорок serkir беличьих шкурок, это — пять timbr в одной serk и 40 шкур в одном timbr («40 serkja grágta skinna, en 5 timbr eru í serk hverjum, enn 40 skinna í timbr»). Количество шкурок полученных Кнутом можно высчитать:

$$1 \text{ serk} = 5 \text{ timbr}$$

$$1 \text{ timbr} = 40 \text{ шкурок}$$

$$5 \text{ timbr} = 40 \times 5 = 200 \text{ шкурок}$$

$$40 \text{ serkir} = 200 \times 40 = 8000 \text{ шкурок}$$

Здесь, таким образом говорится о мерах счёта пушнины (*Zoëga* 1910: 356, 437), которые использовались в торговых операциях на Балтике, где serkir обозначает определённое количество шкурок, timbr — комплект из 40 шкурок. Здесь интересно то, что Видгаутр, вероятно, занимался продажей мехов. Эта информация в совокупности с приведенными выше сведениями Адама Бременского о посреднической торговли сембов пушниной, является очень важной, поскольку меняет традиционное представление о том, что экономика населения была тесным образом связана только с янтарной торговлей (Кулаков 2003: 135). Пушнина — вот, что приносило прибыль и материальные накопления в виде монетных кладов. Личность Видгаутра представляется весьма интересной ещё и потому, что этот человек носил скандинавское имя (*Lind* 1905–1915: 1092). Этот факт указывает на то, что в ещё в XII в. в среде сембов могли проживать люди, которые осознавали своё скандинавское происхождение и возможно, были потомками тех скандинавов, которые осели здесь в эпоху викингов.

Таким образом, можно констатировать достаточно оживлённые контакты между жителями Самбийского полуострова, куршами и скандинавами на протяжении всей эпохи викингов. Уже в раннюю эпоху викингов одиночные вещи каролингского происхождения, найденные на территории куршей и на Самбийском полуострове, свидетельству-

ют о их проникновении через посредство «датчан», однако их контекст не позволяет сделать вывод о существовании здесь датских колоний в это время. В торговом центре в Вискяутене в IX–X вв. проживало достаточно большое количество выходцев как из Средней Швеции, так и из Дании, поддерживались связи также и с Готландом, однако, никаких археологических оснований для утверждения о том, что здесь были колонии готландцев нет. Следствием романтического представления о характере государства шведов в VII–X вв. можно считать точку зрения о появлении скандинавского населения на восточных берегах Балтики в результате расширения политической власти шведского государства. Большое количество женских скандинавских погребений, а также находок оружия, не позволяют рассматривать деятельность скандинавов здесь только как дружинников. Скандинавы жили здесь семьями. Подавляющее большинство находок оружия в Скандинавии (собственно, как и Пруссии) происходит из обычных сельских могильников. Контекст этих находок говорит о том, что оружие носили все свободные члены общества.

На сегодняшний день не существует убедительно изложенных моделей региональных обществ Балтики в эпоху викингов. Эта тема представляется весьма перспективной, особенно в связи с изучением «прусской модели». Письменные и археологические данные свидетельствуют о том, что контакты между населением восточной Балтики и Скандинавии были двухсторонне активными на протяжении всего времени, и это создаёт хорошие предпосылки для общебалтийской дискуссии по этой проблеме и перехода от старой «археологии этносов» к современной «археологии контактов».

Литература

- Кирпичников 1966** — Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. М.-Л., 1966.
- Кулаков 1980** — Кулаков В.И. Работы на побережье юго-восточной Прибалтики // Археологические открытия 1979 г. М., 1980. С. 15.
- Кулаков 1989** — Кулаков В.И. Кауп // Становление средневекового города. М., 1989.
- Кулаков 1990** — Кулаков В.И. Древности пруссов VI—XIII вв. САИ. Вып. Г 1—9. М., 1990.
- Кулаков 1994** — Кулаков В.И. Прусы (V—XIII вв.). М., 1994.
- Кулаков 2003** — Кулаков В.И. История пруссов до 1283 года. Prussia Antiqua. Т. 1. М., 2003.
- Кулаков, Валуев 1992** — Кулаков В.И., Валуев А.А. Новые находки на Каупе. В: Vakarų baltų istorija ir kultūra. Klaipėda. I: 98—105.
- Мельникова 2001** — Мельникова Е.А. Скандинавские рунические надписи. М., 2001.
- Михайлов 2002** — Михайлов К.А. Скандинавский могильник в урочище Плакун (заметки о хронологии и топографии). Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002.
- Мугуревич 1965** — Мугуревич Э. Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Рига, 1965.
- Петренко 1986** — Петренко В.П. Отчёт о работах Курземской экспедиции в 1986 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35., оп. 1986, № 64. 1986.
- Петренко 1987** — Петренко В.П. Отчёт о работах Курземской экспедиции в 1987 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35., оп. 1987, № 66. 1987.
- Петренко 1989** — Петренко В.П. Отчёт о полевых исследованиях Курземской экспедиции в 1989 г. Архив ИИМК РАН. Ф. 35., оп. 1989, № 41. 1989.
- Петренко, Вирсе 1993** — Петренко В.П., Вирсе И.А. Исследование могильников Гробиня Придиенс в западной Латвии. КСИА 208. 1993.
- Adam av Bremen 1984** — Historien om Hamburgstiftet och dess biskopar. Översatt av Emanuel Svenberg. Stockholm, 1984.
- Androshchuk 2004** — Androshchuk F. Vikingar och bönder. Några anmärkningar om den sociala tolkningen av svärd och de lengväga kontakterna under vikingatiden. In: Current Issues in Nordic Archaeology. Proceedings of the 21th Conference of Nordic Archaeologists, 6—9. Sept. 2001, Akureyri, Iceland. Reykjavík).
- Apala, Apals 1992** — Apala Z., Apals J. Die Kontakte der Lettgallen des Gauja-Raumes mit Skandinavien. In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 9—17.
- Arbman 1940—1943** — Arbman H. Birka I. Text und Tafeln. Stockholm.

- Atgāzis 1992** — Atgāzis M. First finds of three-armed (trefoil) brooches in Latvia. In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiesis. Studia Baltica Stockholmensis 9 1992: 19–32.
- Baume 1926** — Baume W. Die Wikinger in Ostdeutschland. In: Völk und Rasse 2: 15–20
- Berga 1992** — Berga T. Waagen zum Wägen von Münzsilber in Lettland. In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmensis. Studia Baltica Stockholmensis 9 1992: 33–40.
- Boken om Ansgar 1986** — Rimbert: Ansgars liv. Översatt av E. Oelman, kommentarer av A. Ekenberg, C.F. Hallencreutz, S. Helander, A. Härdelin, E. Oelman. Stockholm. 1986.
- Bogucki 2003** — Bogucki M. Wczesnośredniowieczny skarb ozdób srebrnych ze wsi Brodzikowo, powiat Mrągowo. In: Studie Galinckie. T. I: 181–244.
- Brøndsted 1936** — Brøndsted J. Danish inhumation graves of the Viking age. In: Acta archaeologica. København. P. 81–228.
- Bøe 1940** — Bøe J. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland (Ed. by H. Shetelig) P. III. Oslo, 1940.
- Callmer 1999** — Callmer J. Vikingatidens likarmade spänner. In: Fynden i centrum. Uppåkrastudier. Lund. S. 201–220.
- Carlsson 1983** — Carlsson A. Djurhuvudformiga spänner och gotländsk vikingatid. Text och katalog. Stockholm studies in archaeology 5. Stockholm, 1983.
- Christiansen 1980** — Christiansen E. *Saxo Grammaticus Danorum Regum Heroumque Historia*. Vol. I; Books X–XIII. Bar International Series 84. 1980.
- Duczko 1995** — Duczko W. Kungar, thegnar, tegnebyar, juveler och silverskatter. Om danskt inflyttande i Sverige under senvikingatid. *Tor* 27:2: 625–662.
- Engel 1932** — Engel C. Das vierstöckige Gräberfeld von Linkuhnen. *Fornvännen* 27: 168–177.
- Engel, La Baume 1937** — Engel C., La Baume W. Kulturen und Völker der Frühzeit in Preussenlande. Königsberg, 1937.
- Fornmanns sögur.** Jómsvíkinga saga ok Knýtinga með tilheyrandi þáttur. Kaupmannhöfn 1818. Bd 11.
- Von Friesen 1912** — Von Friesen O. Runinskrifterna pe en koppardosa, funnen i Sigtuna Augusti 1911. *Fornvännen*. S. 6–19.
- Graham-Campbell G. 1976** — Graham-Campbell G. The Viking-age silver hoards of Ireland In: Proceedings of the Seventh Viking Congress. Dublin. P. 39–74.
- Graham-Campbell G. 1980** — Viking Artefacts. A select Catalogue. British Museum. P. 64: 234.
- Grieg 1929** — Grieg S. Vikingetidens skattefund. In: Universitetets oldsaksamlings skrifter. Bd. II: 178–311.
- Grieg 1940** — Grieg S. Viking Antiquities in Great Britain and Ireland. (Ed. by H. Shetelig). Part II. Oslo, 1940.

- Gräslund 1980** — Gräslund A.-S. Birka IV. The burial customs. A study of the graves from Björkö. Uppsala.
- Hall 1978** — Hall R.A. A Viking-age Grave at Donnybrook, Co. Dublin. In: Medieval archaeology. Vol. 22: 64—83.
- Höilund Nielsen 1987** — Höilund Nielsen K. Zur Chronologie der jüngeren germanischen Eisenzeit auf Bornholm. Untersuchungen zu Schmuckgarnituren. In: Acta Archaeologica. Vol. 57. København.
- Jagodziński 1988** — Jagodziński M. 1988. Wczesnośredniowieczna osada rzemieślniczo-handlowa w Janowie Pomorskim nad jeziorem Drużno — poszukiwane Truso? Przewodnik po wystawie. Elbląg, 1988.
- Jagodziński, Kasprzycka 1991** — Jagodziński M., Kasprzycka M. The early medieval craft and commercial centre at Janyw pomorski near Elbląg on the South Baltic Coast. In: Antiquity Vol. 65: 696—715. 1991.
- Jagodziński 2000** — Jagodziński M. Truso. Das frühmittelalterliche Hafen- und Handelszentrum im Ostseegebiet bei Elbing. In: Westpreußen-Jahrbuch Bd 50: 41—56.
- Jagodziński 2001** — Jagodziński M. Truso. In: Archeologia żywa 3: 7—13.
- Jansson 1985** — Jansson I. Ovala spännbucklor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björkö-fynden. Uppsala, 1985.
- Jansson 1992** — Jansson I. Scandinavian oval brooches found in Latvia. In: Die Kontakte zwischen Ostbalkikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992.
- Jansson 1994** — Jansson I. Skandinavien, Baltikum och Rus under vikingatiden. In: Det 22 nordiske historikermøte. Oslo 13—18. August 1994. Rapport I Norden og Baltikum. Oslo, 1994. S. 5—25.
- Kazakevičius 1996** — Kazakevičius V. IX—XIII a. Baltų kalavijai. Vilnius, 1996.
- Kleemann 1938** — Kleemann O. Eine Ausgrabungsgeschichte aus Wiskiuten. In: Alt-Preußen 3 Jahrgang, Heft 1: 6—9.
- Kleemann 1938** — Kleemann O. Ueber die wikingische Siedlung von Wiskiuten und über die Tiefs in der kurischen Nehrung. In: Alt-Preußen 5 Jahrgang, Heft 2: 4—14.
- Kulakow 1992** — Kulakow W. Preussische Gefolgschaft im 9. Jahrhundert. In: Die Kontakte zwischen Ostbalkikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 109—114.
- La Baume 1941** — La Baume W. Zur Technik der Verzierung östpreußischer Waffen der Wikingerzeit. In: Alt-Preußen 6 Jahrgang, Heft 2: 22—29.
- Latvijas PSR archeoloģija 1974** — Latvijas PSR archeoloģija. Rīga, 1974.
- Lind 1905—1915** — Lind E.H. Norsk-isländsk dopnamn och fingerade namn från medeltiden. Uppsala-Leipzig, 1905—1915.
- Lindkvist 1988** — Lindkvist T. Plundring, skatter, och den feudala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergengen från vikingatid till tidig medeltid. Uppsala.

- Martens 1996** — Martens J. Das Wikingergräberfeld von Wiskiauten, Samland. In: Zwischen Lübeck und Novgorod. Wirtschaft, Politik und Kultur im Ostseeraum vom frühen Mittelalter bis 20. Jahrhundert. Norbert Angermann zum 60. Geburtstag. Herausgegeben von Ortwin Pelc und Gertrud Pickhan. Lüneburg. S. 37–57.
- Menghin 1980** — Menghin W. Neue Inschriftenschwerter aus Süddeutschland und die Chronologie karolingischer Spaten auf dem Kontinent. In: Vorzeit zwischen Main und Donau. Neue archäologische Forschungen und Funde aus Franken und Altbayern. Erlanger Forschungen Reihe A Bd 26/1980: 227–271.
- Mugurēvičs 1992** — Mugurēvičs Ē. Skandinavische Geschichtquellen des 9. Bis 12. Jh. und archäologische Befunde auf dem Territorium Lettlands In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9 1992: 125–133.
- von zur Mühlen 1975** — von zur Mühlen B. Die Kultur der Wikinger in Ostpreussen. Bonner Hefte zur Vorgeschichte 9. Bonn, 1975.
- Müller-Wille 1976** — Müller-Wille M. Das Bootkammergrab von Haithabu. In: Berichte Ausgrabungen Haithabu 8. Neumünster, 1976.
- Müller-Wille 1982** — Müller-Wille M. Zwei karolingische Schwerter aus Mittelnorwegen. Mit Beiträgen von K. Möllenhaus, und B. Arrhenius. In: Studien zur Sachsenforschung 3. Hildesheim, 1982. S. 101–167.
- Nerman 1936** — Nerman B. Svenskarna i Ostbaltiska länder. In: Nordisk kultur I. Befolknings i oldtiden. Stockholm-Oslo-Köpenhamn, 1936. S. 76–79.
- Nerman 1942** — Nerman B. Sveriges första storhetstid. Stockholm, 1942.
- Nerman 1958** — Nerman B. Grobin-Seeburg. Stockholm, 1958.
- Nerman 1969–1975** — Nerman B. Die Vendelzeit Gotlands. Text und Tafeln. Stockholm, 1969–1975.
- Neugebauer 1938** — Neugebauer W. Das wikingische Gräberfeld in Elbing. In: Alt-Preußen 3 Jahrgäng, Heft 1: 2–6.
- Pedersen 1997** — Pedersen A. Weapon and riding gear in burials — evidence of military and social rank in 10th century Denmark? In: Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1–1300. Copenhagen, 1997. P. 123–135.
- Petrenko 1991** — Petrenko V.P. A picture stone from Grobin (Latvia). Forvännen 86: 1–10.
- Petrenko, Urtāns 1995** — Petrenko V., Urtāns J. The archaeological monuments of Grobiņa. Riga-Stockholm, 1995.
- Petersen 1919** — Petersen J. De norske vikingesverd. En typologisk-kronologisk studie over vikingetidens vaaben. Kristiania.
- Petersen 1928** — Petersen J. Vikingetidens smykker. Stavanger, 1928.
- Riemann 1938** — Riemann E. Ein Wikingerschwert vom Neubau der Brücke in Königsberg. In: Alt-Preußen 3 Jahrgäng, Heft 2: 89–91.

- Sawyer** — Sawyer P. När Sverige blev Sverige. Alingsås.
- Salin 1904** — Salin B. Die altgermanische Thierornamentik. Typologische Studien über germanische Metallgegenstände aus dem IV. Bis IX. Jahrhundert nebst einer Studie über irische Ornamentik. Stockholm, 1904.
- Schnitger 1912** — Schnitger B. Några undersökningar å Linga graffält i Södermanland. Fornvännen, 7: 19–35.
- Skovmand 1942** — Skovmand R. De danske skattefund fra vikingetiden og den ældste middelalder indtil omkring 1150. In: Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie. S. 5–265.
- Strömberg 1961** — Strömberg M. Untersuchungen zur Jüngerer Eisenzeit in Schonen. Völkerwanderungszeit. Wikingerzeit. I. Textband. Acta Archaeologica Lundensia series in 4. No 4. Lund.
- Strömberg 1973** — Strömberg M. Nya fynd av vendeltidsfibulor i Skåne. In: Honos Ella Kivikoski. Finska fornminnesföreningens tidskrift 75: 230–238.
- Šturms 1936** — Šturms E. Kuršu zobeni. In: Senatne un māksla. IV: 106–116.
- Šturms 1949** — Schwedische Kolonien in Lettland. Fornvännen 44: 205–217.
- Thunmark-Nylén 1983** — Thunmark-Nylén L. Vikingatida dossläppen — teknisk stratigrafi och verkstadsggruppering. Aun 4. Uppsala, 1983.
- Thunmark-Nylén 1983** — Thunmark-Nylén L. Gotland och Ostbaltikum. Gutar och vikingar. Stockholm, 1983.
- Thunmark-Nylén 1993** — Thunmark-Nylén L. Wear and chronology. In: Pact 38. Sources and resources. Studies in honour of Birgit Arrhenius. Stockholm, 1993. P. 223–234
- Thunmark-Nylén 1995** — Thunmark-Nylén L. Vendeltid eller vikingatid? Om datering av gotländska fornfynd kring år 800. In: Tor 27: 551–623.
- Thunmark-Nylén 1998** — Thunmark-Nylén L. Die Wikingerzeit Gotlands Bd II. Stockholm, 1998.
- VA:** Boken om Ansgar.
- Wamers 1994** — Wamers E. König im Grenzland. Neue Analyse des Bootkammergrabes von Haiðaby. In: Acta Archaeologica 65. Copenhagen, 1994. P. 1–56.
- Zariņa 1992** — Zariņa A. Die Kontakte der Liven mit skandinavischen Ländern nach den Schmucksachen des Gräberfeldes aus dem 10.–13. Jh. Zu Salaspils Laukskola In: Die Kontakte zwischen Ostbaltikum und Skandinavien im frühen Mittelalter. Acta Universitatis Stockholmiensis. Studia Baltica Stockholmiensia 9. Stockholm, 1992: 173–184.
- Zoëga 1910** — Zoëga G.T. A Concise Dictionary of Old Icelandic. Oxford.
- Ørsnes-Christensen 1955** — Ørsnes-Christensen M. Kynby. Ein seeländischer Grabplatz aus dem 7–8 Jahrhundert nach Christus. In: Acta Archaeologica. Vol. XXVI. København, 1955.

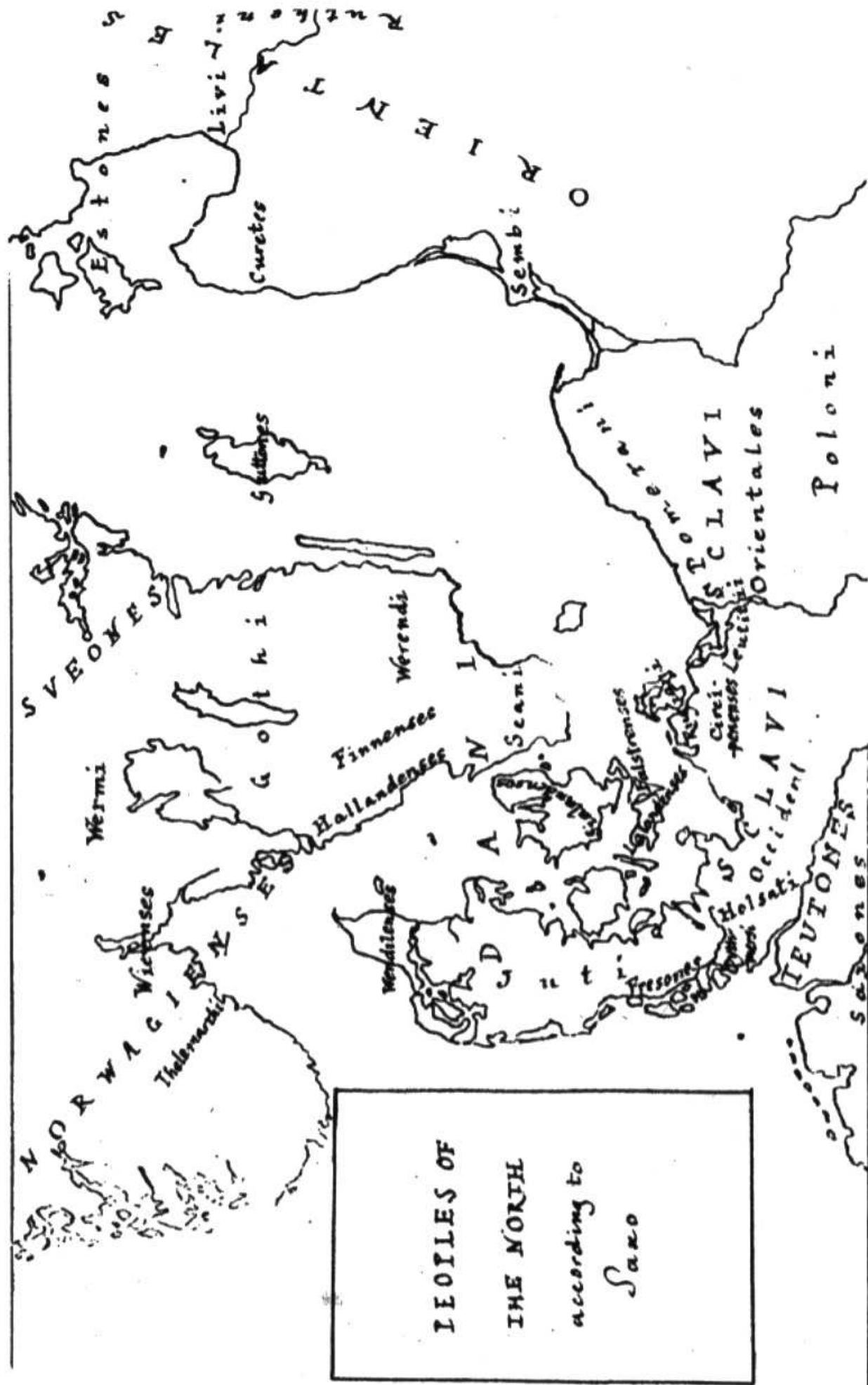

Рис. 1. Карта Балтийского региона с названиями народов, упомянутых в сочинении Саксона Грамматика (по Е. Кристиансену)

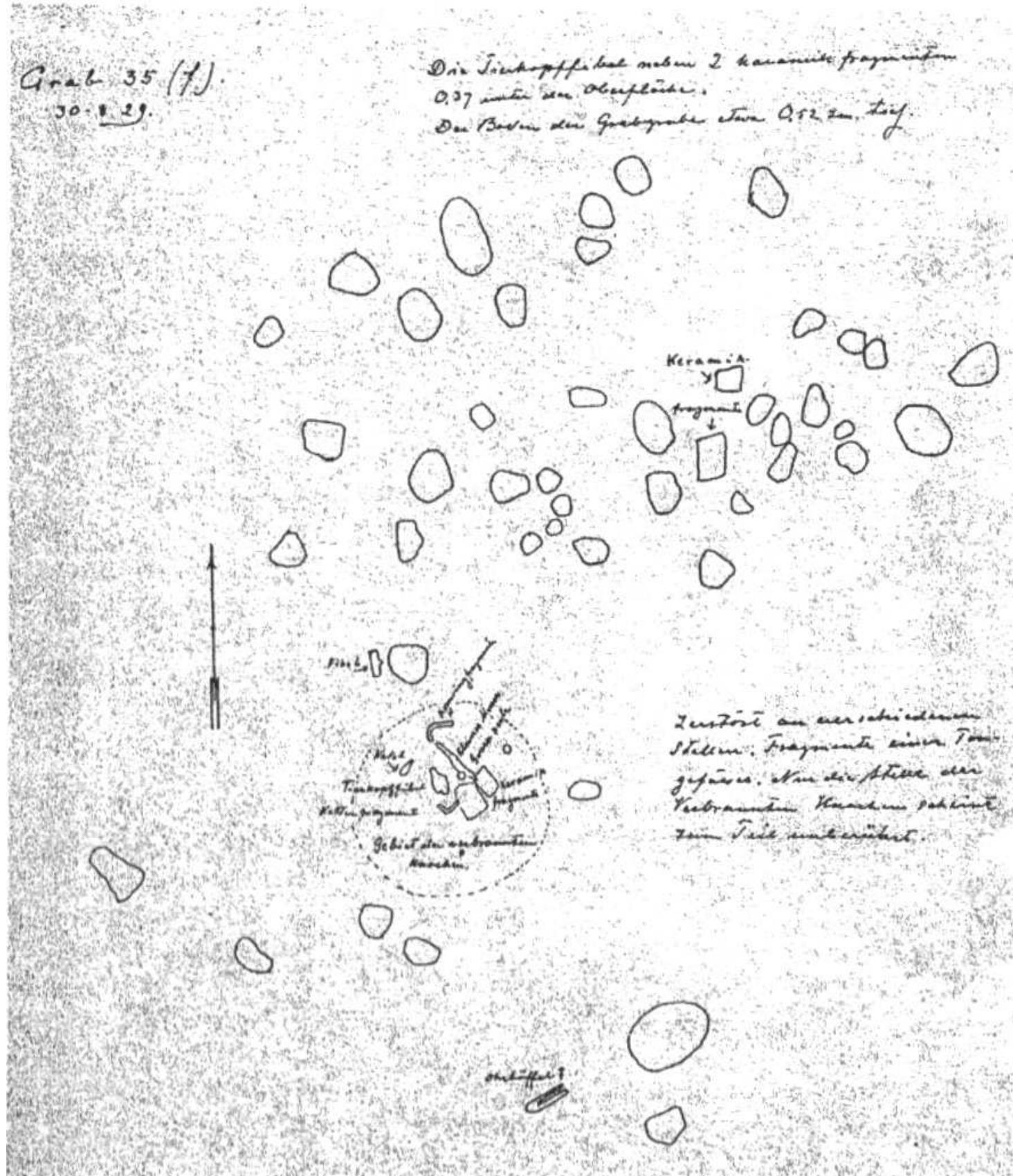

Рис.2. Чертёж погребения 35 могильника Гробиня (архив АТА в Стокгольме)

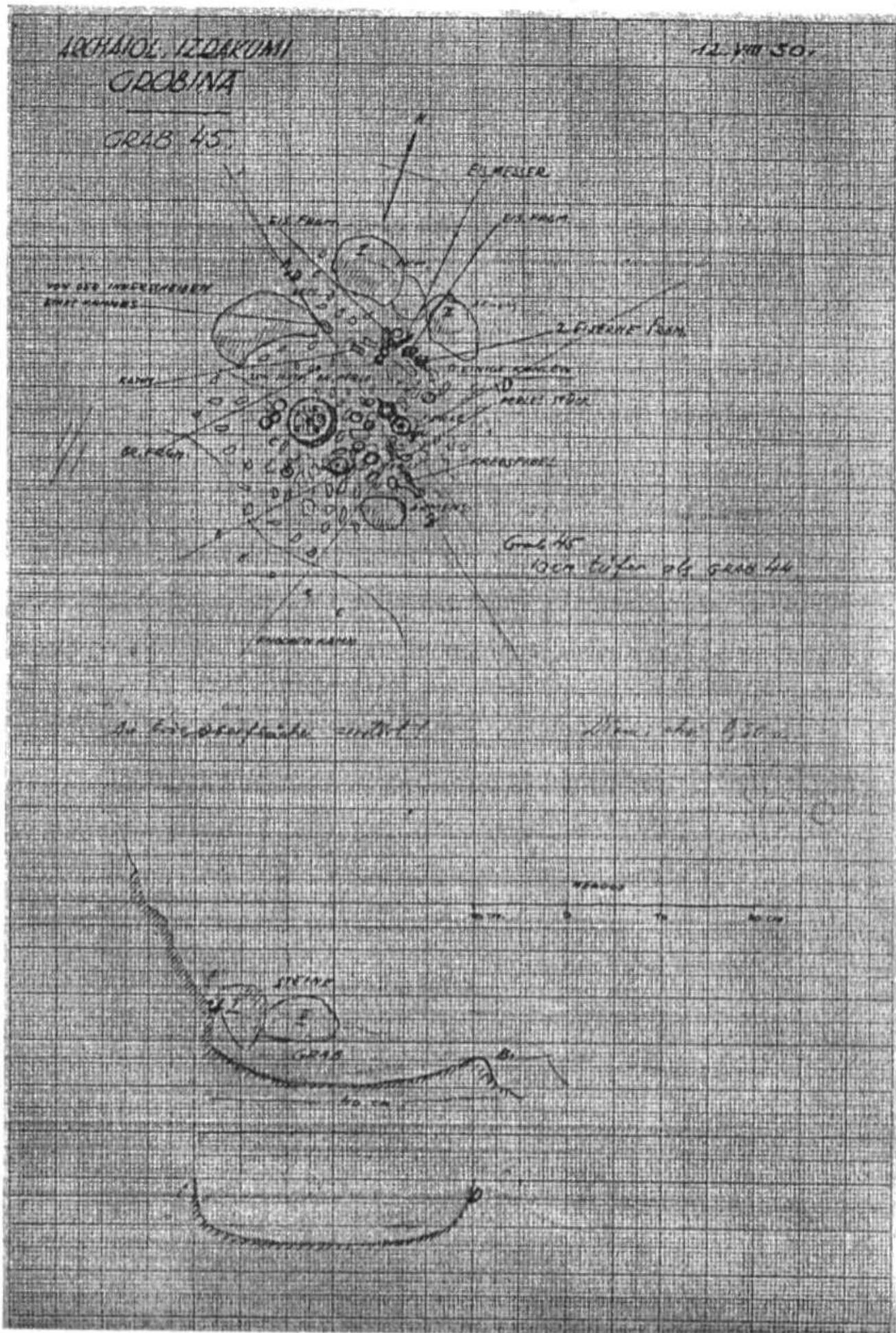
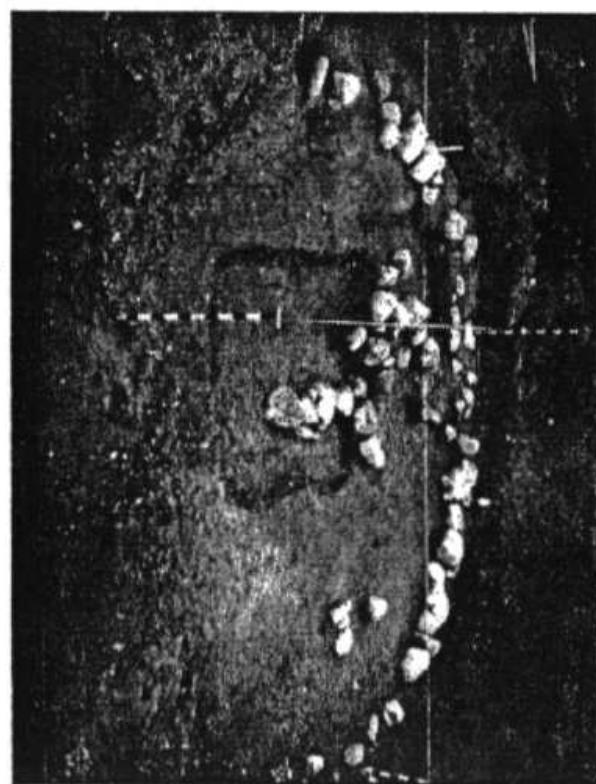

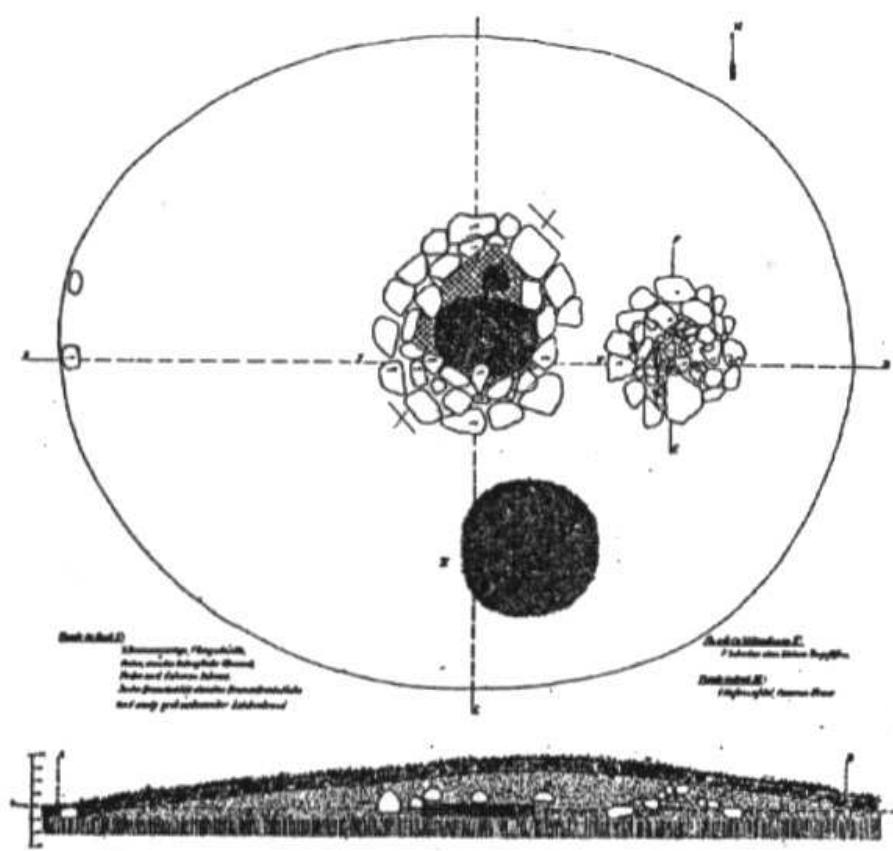
Рис.3. Чертёж погребения 45 могильника Гробиня (архив АТА в Стокгольме)

4

5

6

Рис.4. Согнутый меч из погребения 43 могильника Вискаутен (фото Б.Нермана)

Рис. 5–6. Курган 44 могильника Вискаутен (по Б.Нерману)

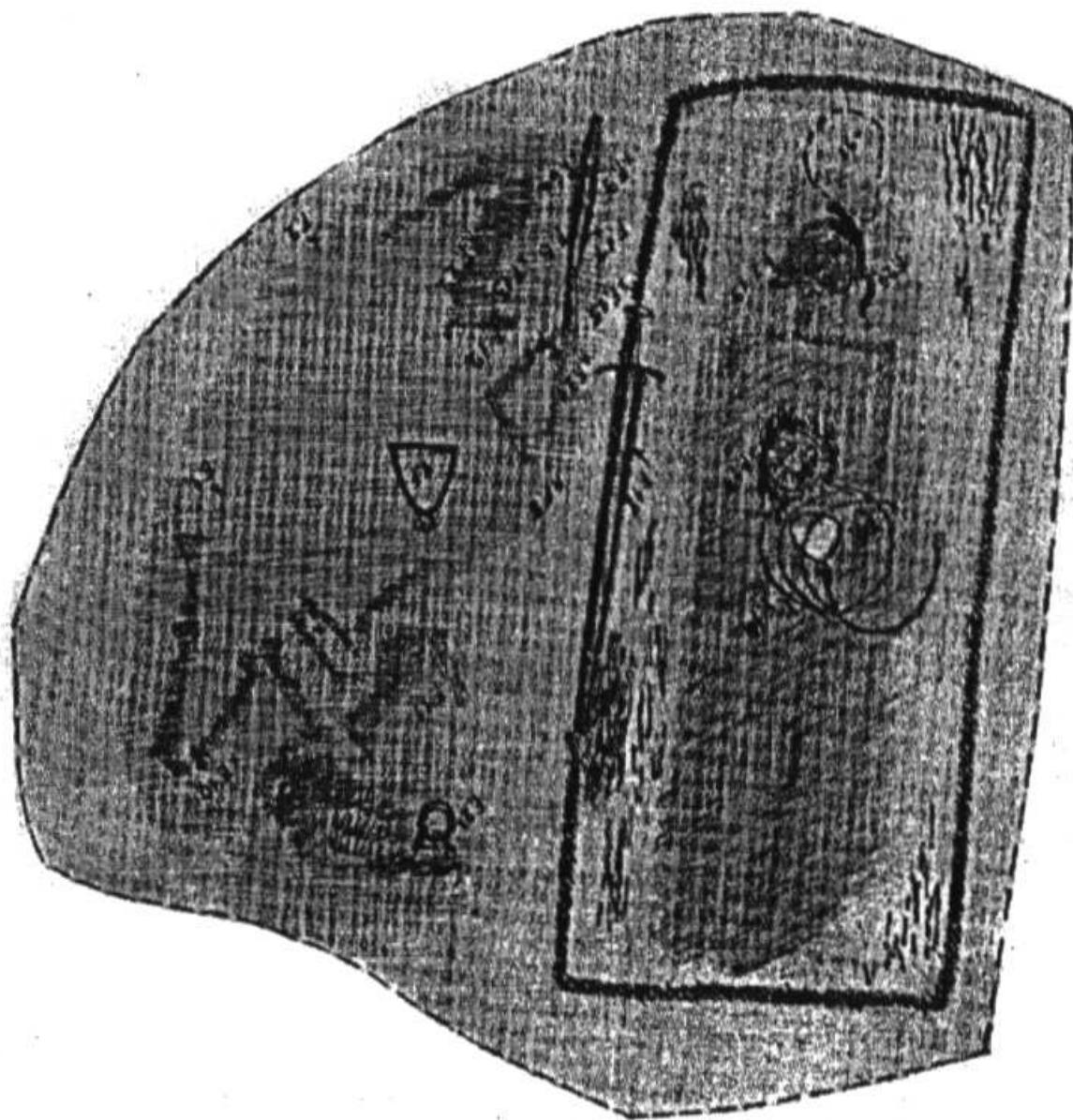
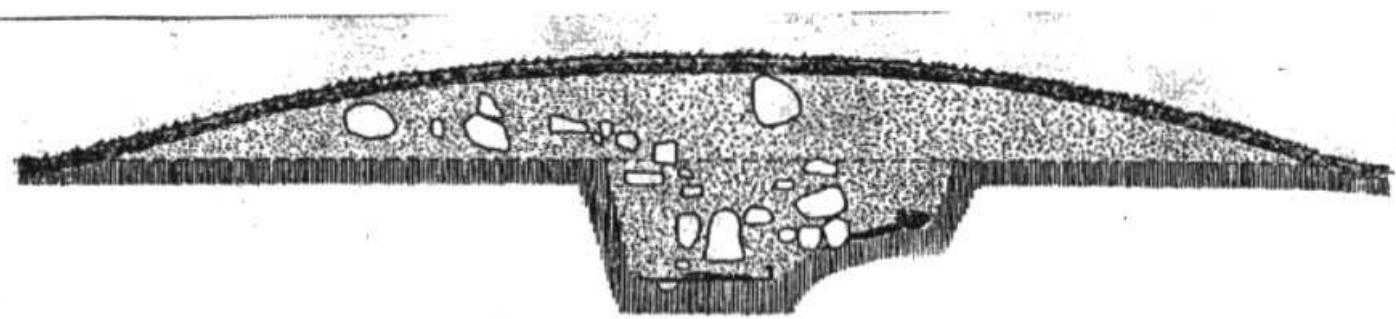

Рис. 7. Курган 139 могильника Вискяутен (по Б.Нерману)

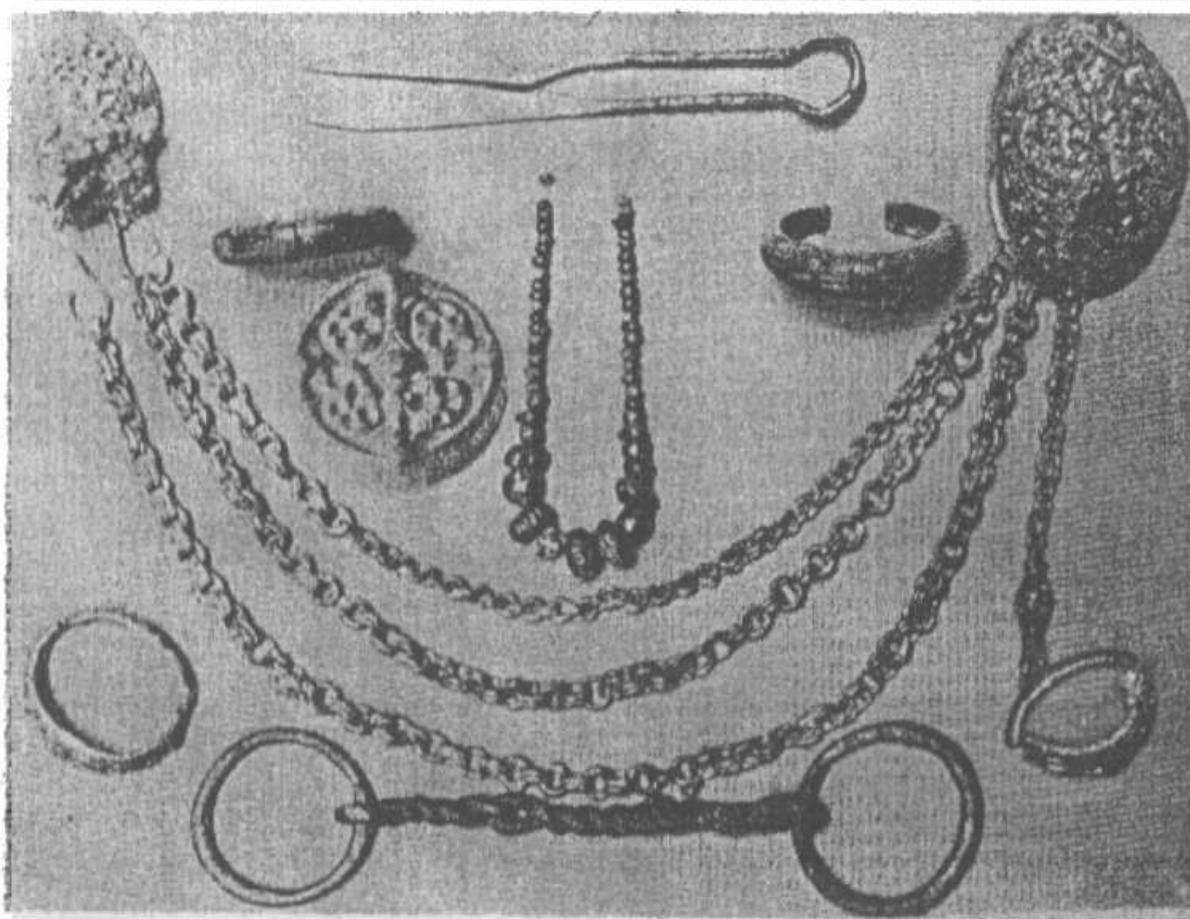
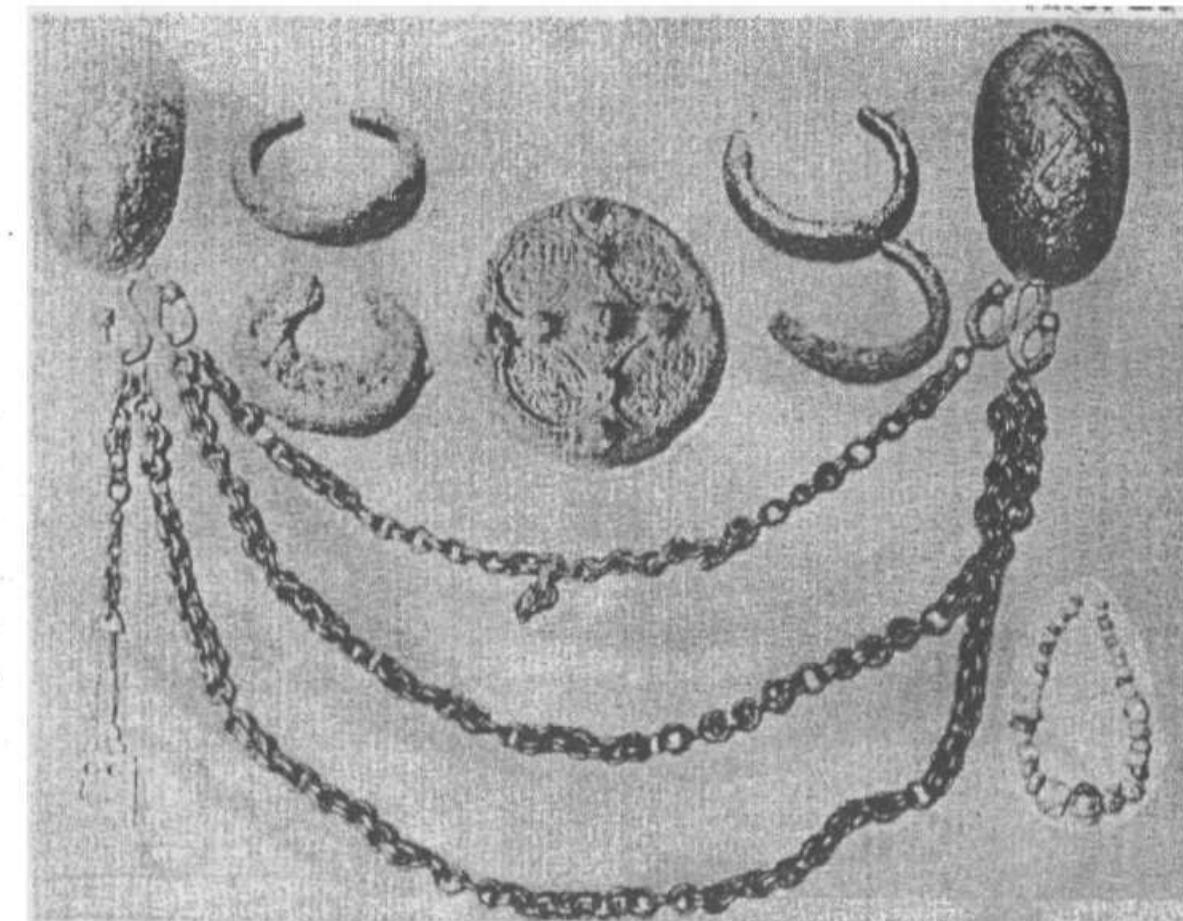

Рис. 8—9. Погребальный инвентарь со скандинавскими женскими украшениями могильника Вискяутен (по фон цур Мюлену)

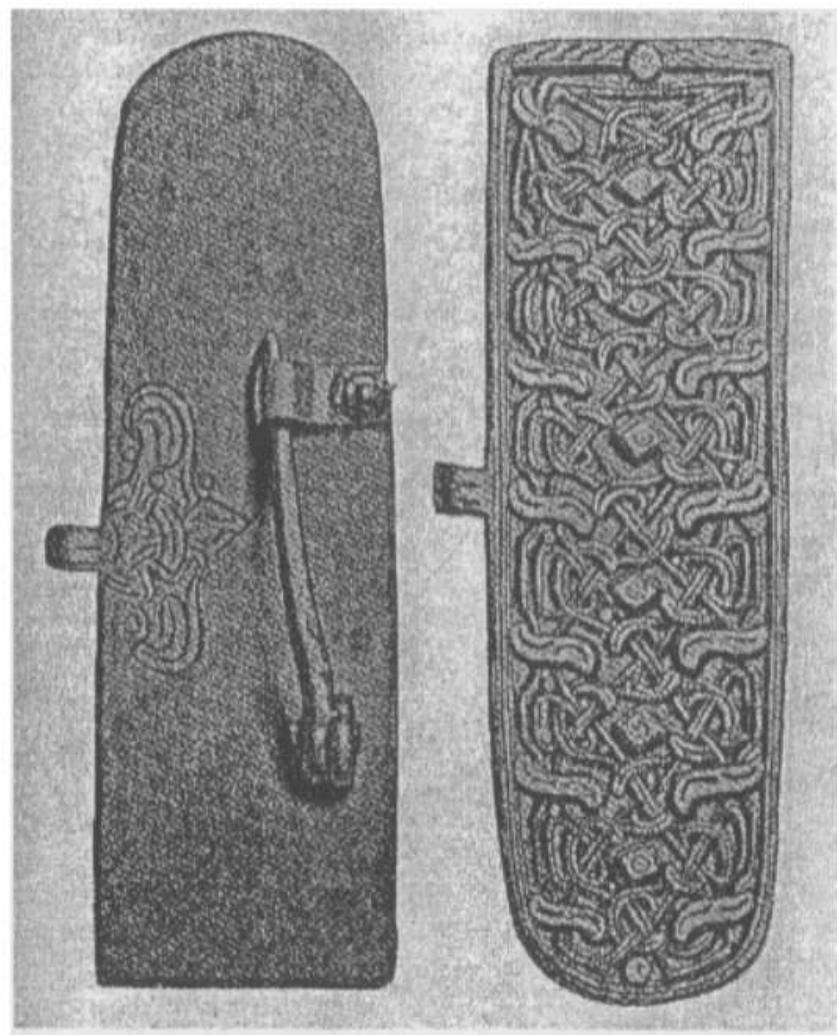
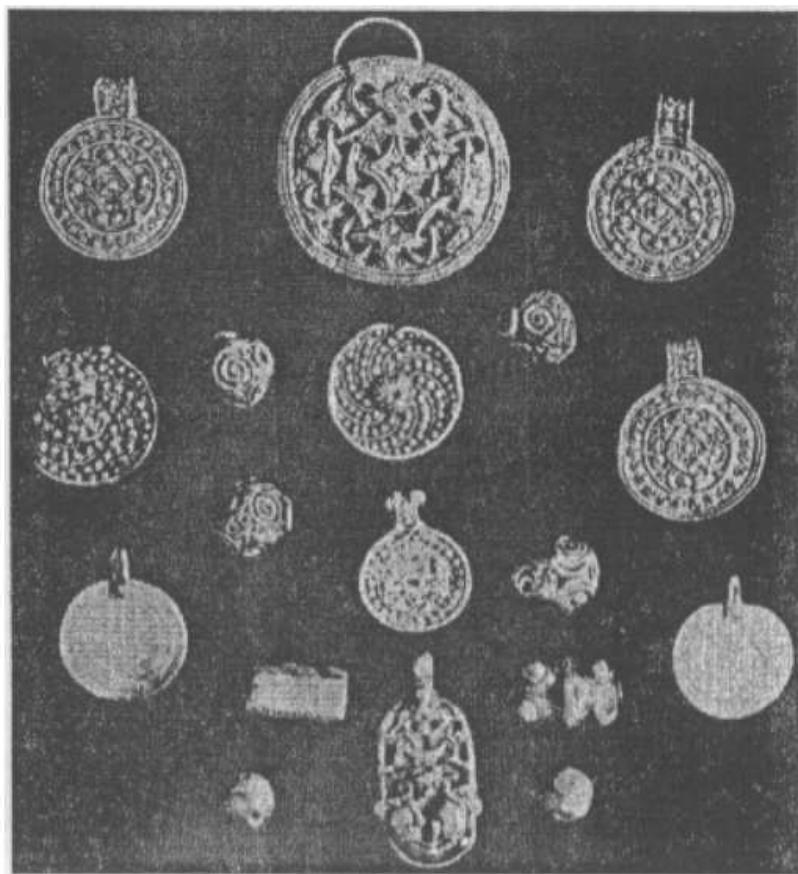

Рис. 10–11. Вещи датского происхождения из могильника в Вискяутене

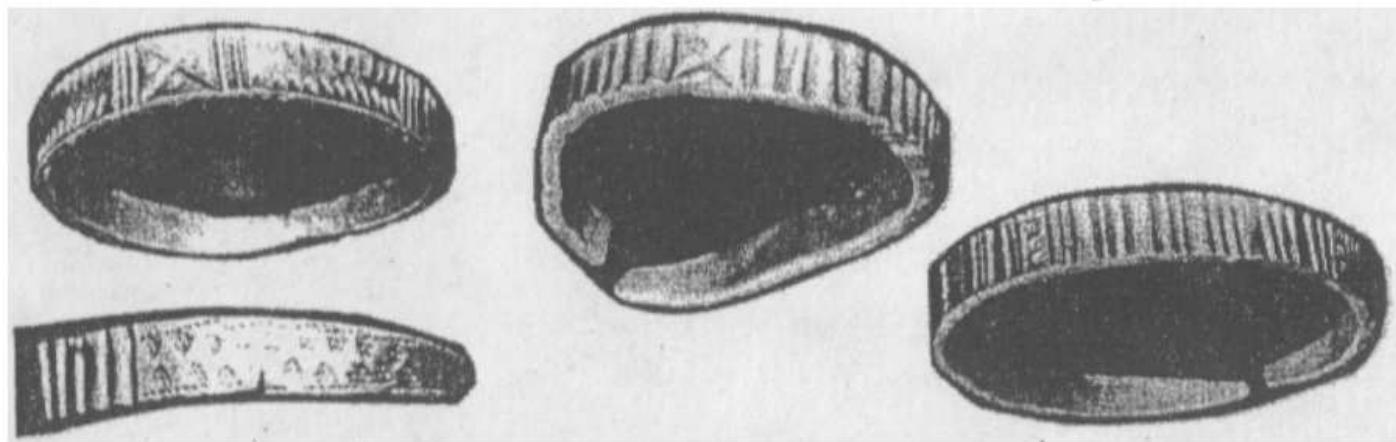
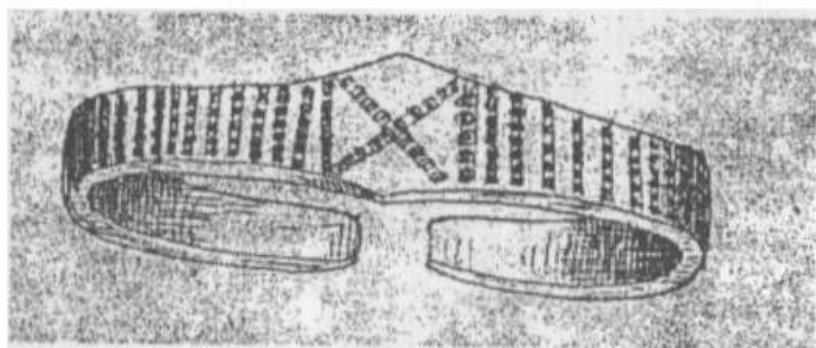
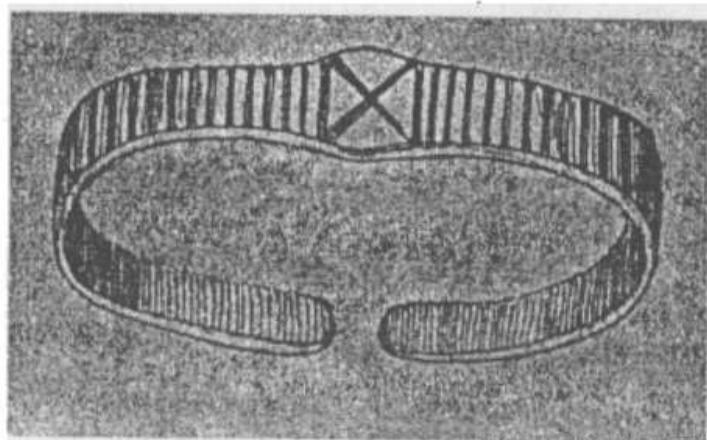
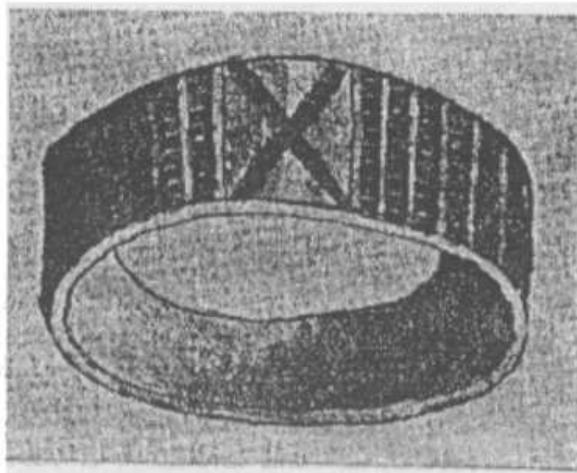

Рис. 12. Браслеты из Кивиттен (по фон цур Мюлену) и их аналогии из Ирландии (по Дж. Грехему-Кемпбелу)

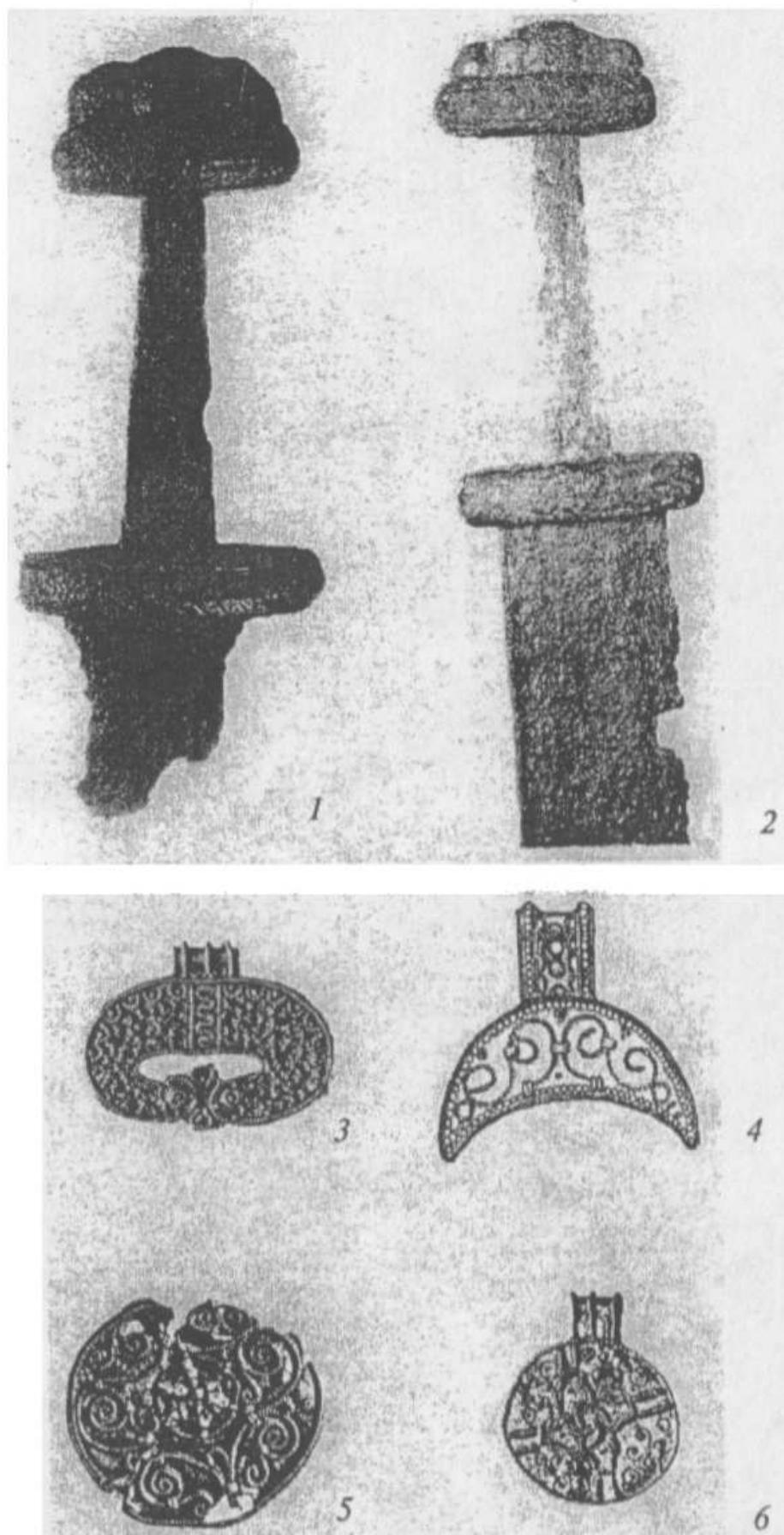

Рис. 13: 1—2 Мечи типа «Mannheim» из Кенигсберга;
 3 — подвески из Рудау;
 4 — лунница из Старой Ладоги;
 5—6 — подвески из клада вHon

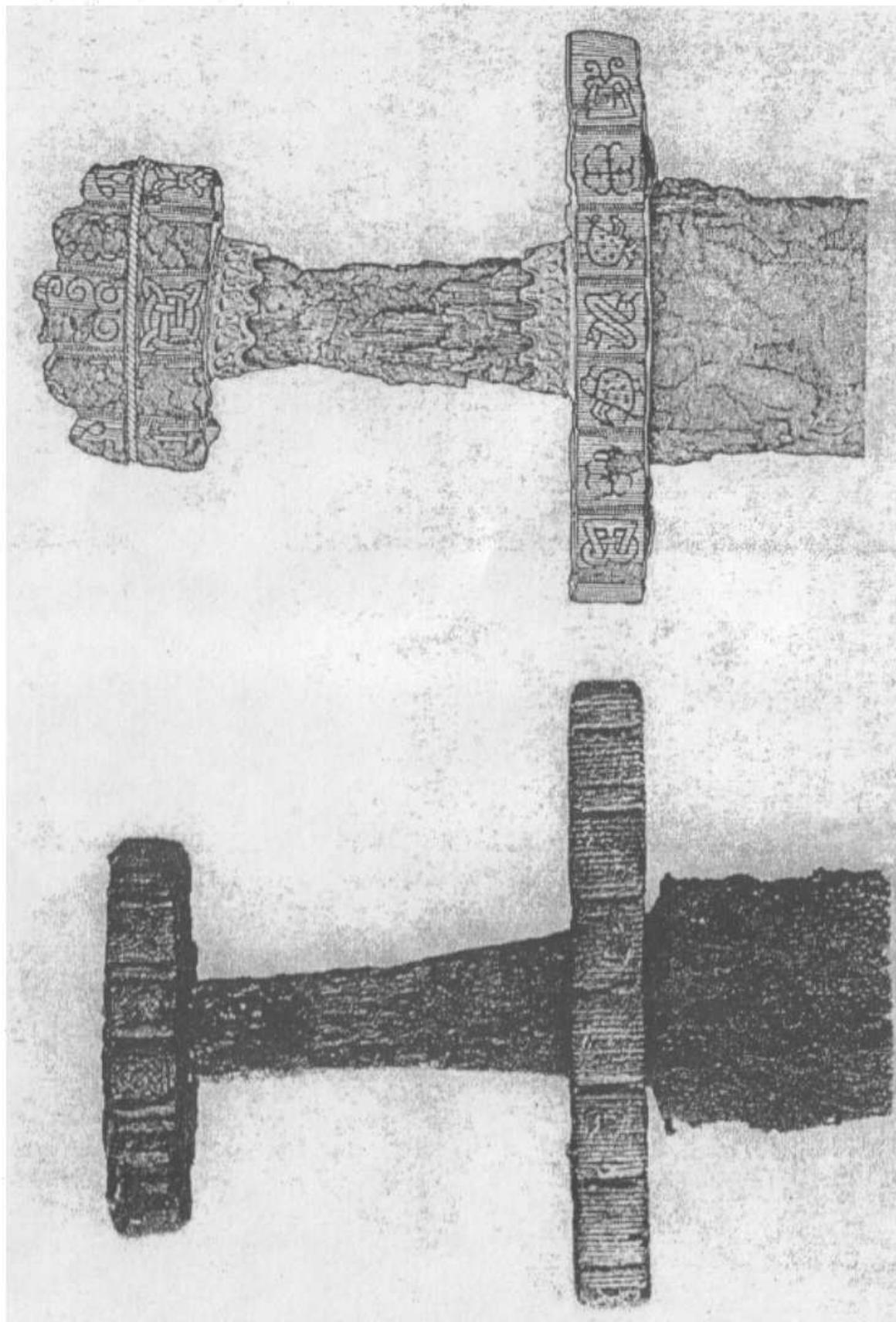

Рис. 14: 1 — Меч типа К из могильника в Вискаутене; 2 — меч типа К из Хедебю.

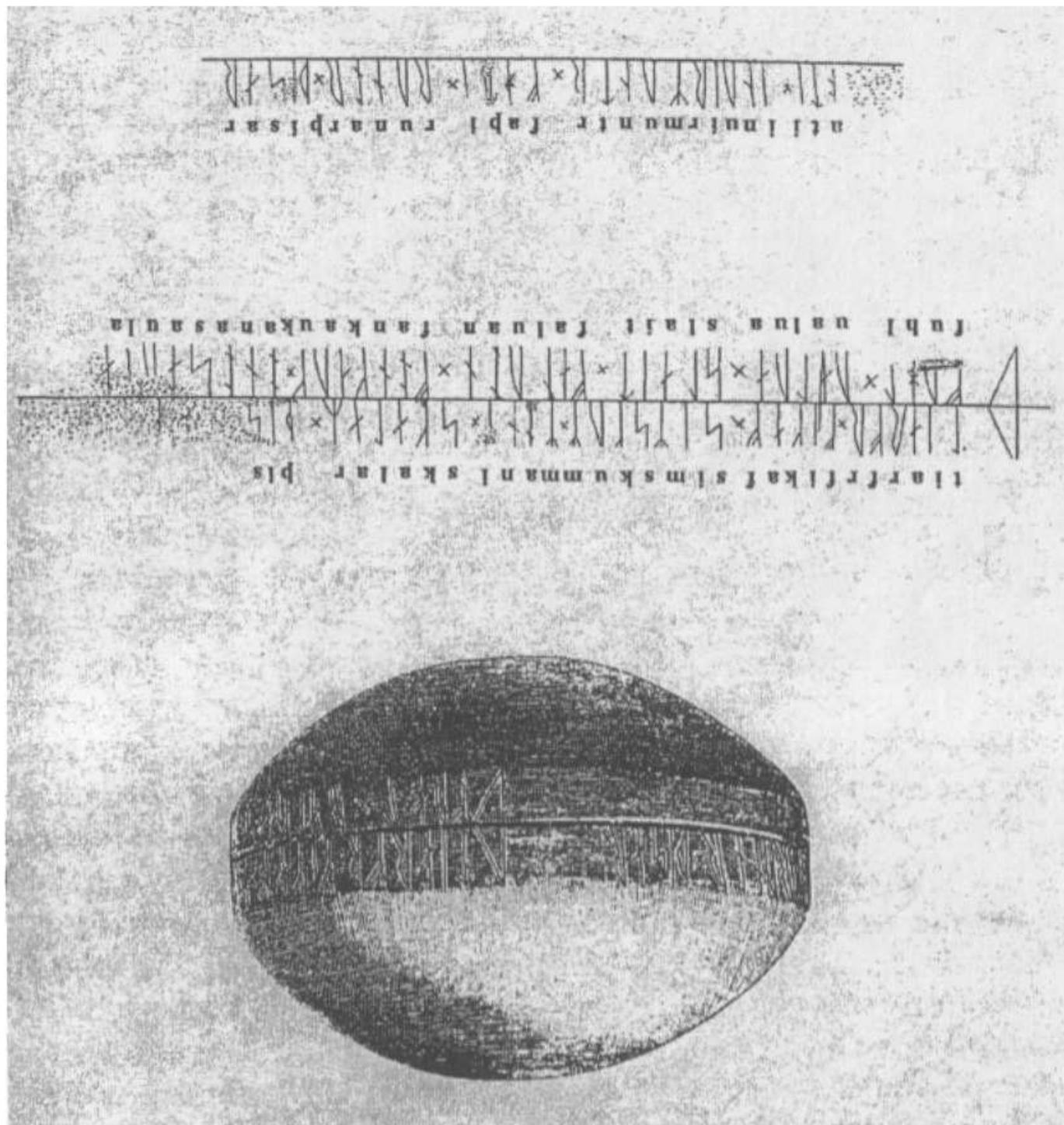

Рис. 15. Чаша для весов из Сигтуны

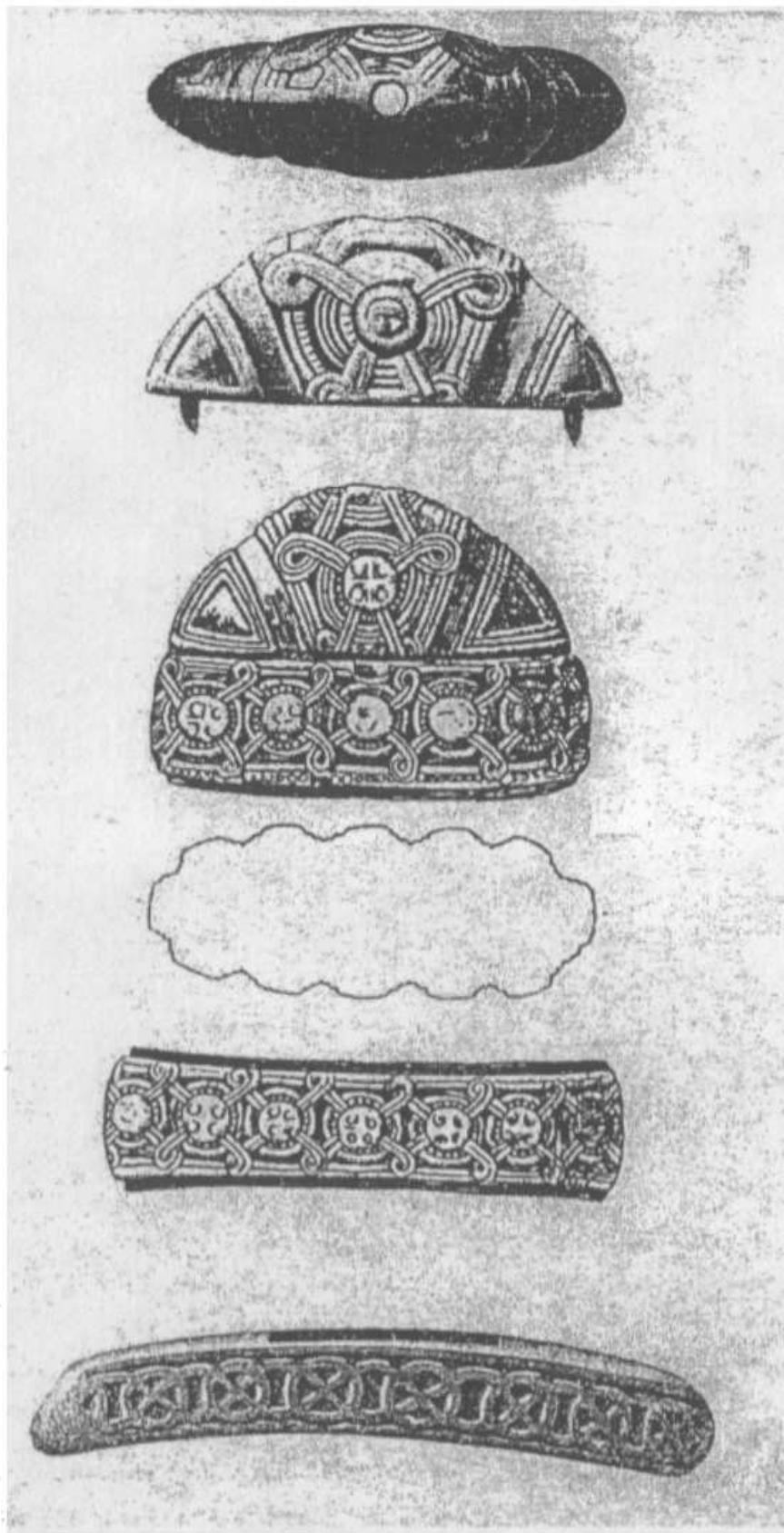

Рис. 16: 1 — навершие меча из Эланда;
2 — навершие меча, распространенного в ареале куршских племен;
3 — перекрестье меча из Готланда